

УДК 801.6 : 7.0.31

ББК 82.3 (2=Ады)

У 58

Р.Б. Унарокова

«Истории» Даута Бырса в контексте смеховой культуры адыгов

(Рецензирована)

Аннотация:

На основе материалов фольклорно-этнографических экспедиций в Турции (1997-1999, 2002, 2005 гг.) [1] в статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные со специфическими для турецких адыгов способами и формами актуализации смеховой культуры, выявляется репрезентативность смеховых прений, анализируются художественные особенности «историй» поэта-импровизатора Даута Бырса и джегуаковский характер его исполнительского мастерства.

Ключевые слова:

Смех, как синкретический элемент народной культуры, импровизация на случай, смеховое поле, смеховые формулы-сигналы, объект взаимовыщучивания, фамильные истории, словесный и поведенческий текст игры, джегуаковская интонация, общественная направленность бырсовского смеха.

Смеховые прения или «импровизации на случай», как определил этот тип текста З.М. Налоев, являются наиболее популярным и продуктивным жанром у турецких адыгов.

Взаимовыщучивание возникает там, где собирается по два-три и более представителя адыгских аулов, субэтносов, фамилий и создаются благоприятные условия для смеха и шуток. Присутствие известного ориодза (импровизатора) провоцирует шуточные отступления от основного сюжета собеседования.

Цель словесной игры чаще всего задана. Она состоит в том, чтобы определить, кто из вступивших в прение более талантлив, изобретателен и остроумен. Темы словесных состязаний безграничны. Они касаются всего, что может быть втянуто в орбиту смеха, всех потенциально комичных объектов и ситуаций, как мнимых, так и действительных. Замкнуто и подчинено внутренним законам лишь смеховое поле: в него включены только присутствующие. В соответствии с традиционными представлениями об адыгэ хабзэ (адыгском этикете) говорить об отсутствующих, тем более выщучивать их, более чем недостойно.

В смеховую игру вступает каждый, кто способен импровизировать. Она не знает ни возрастных, ни социальных ограничений. Согласно ее закону, участники не воспринимают

уничижительные колкости как оскорбление. Напротив, такая форма смеха объединяет и располагает к общению.

Мы не раз оказывались свидетелями, порой и участниками таких словесных игр. Иногда они возникали спонтанно. Под предлогом встречи с нами десятки соотечественников из близлежащих регионов собирались в дернеках (офисах общественных организаций зарубежных адыгов), в семьях, куда мы приглашались. Среди собравшихся оказывались знакомые, впервые встретившиеся, родственники. На фоне наших расспросов возникали фрагменты своеобразных «отвлечений»: традиционные увеселительные танцы, обрядовые игры, словесные состязания.

Массовость и разноуровневый половозрастной статус публики создавали определенные сложности в работе экспедиций, однако в отдельных случаях это оказывалось единственно возможным (как выяснилось позже) способом добывания уникальных материалов. Именно в подобных ситуациях были записаны оригинальные реплики, смеховые формулы-сигналы, рассказы-миниатюры (мини-истории), целые блоки поэтических смеховых прений из обряда сватовства.

Случалось и так, что целые сюжеты разыгрывались специально для нас. Показательно в

этом смысле часовое словесное состязание между Басри Хуажем и его шурином (Хаусай-Кайсери, Турция –1997).* Участники своеобразного мини-спектакля изображали спор о том, кто более достойно соблюдает адыгский этикет. Каждый выступал одновременно в двух ролях: Басри – хозяин и зять, его оппонент – гость и шурин. Таким образом, основной сюжета явилось смещение, а отчасти и «нарушение» ролевых отношений в семье, одновременно на двух уровнях: с одной стороны, между зятем и шурином, с другой – между хозяином и гостем. Басри Хуаж «отстаивал» статус старшего при подчиненном, согласно внутрисемейному этикету, положении зятя по отношению к шурину. Вдобавок Басри – абадзех, якобы претендующий на почетную роль старшего, – воспринимался шурином-хатукайцем как чужой, пришелец, так как спор происходил на хатукайской территории, в ауле Хаусай – одном из 11 хатукайских аулов Турции.

Объектом смеха среди турецких адыгов становятся территориальные, субэтнические, родовые (фамильные) «распри». Высмеиваются мнимые и действительные недостатки как аулов, так и отдельных личностей.

«Встретились как-то два известных в округе ориодза, – сообщает один из наших информантов. – Собравшиеся по традиции начали втягивать их в словесную перебранку. Кто-то спросил, что в жизни более всего их страшит? Импровизаторы незамедлительно включились в смеховое поле, но экспромты свои адресовали не друг другу, как ожидалось, а присутствующим. Один из них огляделся, отыскал глазами своих «жертв» и произнес:

*Ялахь, – жиЛас, –
Мудареим и Джсыбырым,
Къээзджыккъым и Чыбырым,
ХьатIохъуцкыкыуеижъым и бэгум,
ХьатIохъуцкыкыуей цIыкIум и дэгум,
Ялахь сыщыхъумэ!*

*О, Аллах, – сказал, –
От мударева Джсибира,
От казальджикского Чибира,
(кличка – У.Р.)
От шелудивого из Старого Хатахиука,
От глухого из Малого Хатахиука,
Упаси, Аллах!*

Второй импровизатор в том же ключе ответил:

*Шэрыфеим и нэгъунджэ,
Мэчэнэим и нэджэ-Гуджэ,
Енышыхъарым я цхьэл макъэм,
Шыгулыбгъум я хьэ макъэм,
Ялахь, сэри сыщыхъумэ!*

*От шарифеевских очков,
От мачанеевского уroda,
От звука мельницы Енишихара,
От лая собаки Шыгулыбга,
О, Аллах, меня тоже спаси!*

Первый снова отыскал очередных «жертв» и продолжил:

*ХьэфIыцIеим я шэй гуашIэм,
Къаптейлым я лы гуашIэм,
Ялахь, сэри сыщыхъумэ, – жиЛас.**

*От хафицевского чая крепкого,
От каптейлиевского мужа грозного
О, Аллах, меня тоже спаси!»*

Смеховое собеседование продолжалось до тех пор, пока не были названы самые «уязвимые» недостатки аулов, чьи представители присутствовали во время словесной дуэли двух импровизаторов. Каждый знал подоплеку шуток, что позволяло легко определить победителя. Им оказался тот из двух ориодзов, кто наиболее метко и образно сформулировал «изъян» того или иного аула.

Объектами взаимовышучивания, как отмечалось выше, становятся не только отдельные пункты, но и адыгские субэтносы и фамилии внутри их.

В самых разных вариациях шутят то по поводу богатырской силы и бесхарактерности абадзеха, то по поводу простодушия и глупости папсуга; в других случаях объектом смеха становятся ловкость и хитрость кабардинца, безрассудность убыха, нерасторопность и наивность бжедуга и т. д. В зависимости от субъекта вышучивания кардинально меняются акценты: папсуг оказывается хитроумным, кабардинец, напротив, левоверным и слабым, абадзех – дальновидным и умным.

Сюжеты смеховой игры на тему родовых и фамильных историй складываются по определенным правилам. Сначала в смеховое поле «прописывают» гостей. Один из организаторов игрищ (в нашем случае — встреч с соотечественниками), представляя гостя, называет не только фамилию, но и субэтническую принадлежность и место жительства. (В Турции адыгские населенные пункты часто называются так же, как и на исторической родине). К именам приурочиваются формулы, типа: «*Мыр Хьальэкъуае къекIы. Тэ тальэныкъо «хьальэкъуаехэр – хьальэкъоих», ало, шьо – сиIэрэп нахь...*» («Этот приехал из Гатлукая. Мы их называем «собачью ногу съедающими». А как у вас – не знаю...»).

Нам удалось зафиксировать множество подобных формул: «*Нэшгукъуай – нэшгукъуае*» («*Нешукай – сплошь слепые*»), «*ПкIыхьальгъуай – пцы къуижь*» («*Пчегатлукай – князь плешивый, старый*»), «*Шапсыгъэр – шгъапсы, абдзахэр-бгъакъэ*» («*Шапсуг – пустозвон, абадзех – хвастун*») и т. д. Такие реплики одновременно являются смеховыми сигналами и формулами продолжения игры. Новая импровизация может быть организована в форме мини-истории, адресованной одному из присутствующих. Она, в свою очередь, становится смеховым сигналом и вызовом, приглашением к состязанию. Этот цикл повторяется многократно. Например, один из присутствующих говорит:

«Шапсуг, впервые увидевший на своем поле верблюда, уничтожающего урожай, принял его за Бога и с умилением воскликнул:

– Ты породил, ты и поедает!»*

Шапсуг, услышавший это, не остается в долгу. Одной историей вышучивает и абадзеха и кабардинца:

«У абадзеха из рода Хажуко ноги были столь велики, что подходящей обуви было не найти. Однажды он отправился в Кабарду в старых растрепанных чувяках. В дверях кунацкой, где он гостевал, собралась целая толпа, рассматривающая великаньи чувяки. Кабардинцев настолько напугал один лишь вид обуви, что они даже забыли перейти порог кунацкой, чтобы приветствовать гостя».*

Третий, вступая в игру, предлагает публике новый сюжет: «Абадзех Дэцэн пришел проведать тяжелобольного шапсуга Хауца.

– Как твое здоровье? – спрашивает Дэцэн.

– Как твой характер! – отвечает Хауца».*

Шапсуженка-информантка (М. Коблева, Хакучкой, 1998 г.) поясняет: «Абадзех был вспыльчивым и неуравновешенным, поэтому Хауца сравнил свою неустойчивую болезнь с характером друга. Такие словесные дуэли случаются, стоит только шапсугу встретиться с абадзехом».* Это происходит часто, так как среди адыгов, живущих в Турции (3 млн. чел. в более чем 800 аулах) шапсуги и абадзехи оказываются соседями чаще, чем другие субэтноты.

Смеховые прения получают особый импульс, когда в них начинают вплетать фамильные мини-истории типа: «Исхудалый и уставший дровосек, увидев в лесу искривившийся сухостой, воскликнул:

– Несчастный, что тебя так иссушило? Неужто твоя жена из рода Хатко, а соседи – Цей?»*

«У Хаджхусейна, из рода Евтых, был конь, которого он холил и лелеял, подкармливая сахаром и изюмом. Старый отец, увидевший это, воскликнул: «Лучше быть конем, чем отцом!».

Множество подобных мини-историй, зафиксированных среди турецких адыгов, открыло еще одно направление исследований: реконструкцию историй паремиологических жанров с собственными именами, функционирующих в адыгском фольклоре.

К сожалению, сравнительный анализ материалов, собранных в диаспоре и на исторической территории, показывает, что в результате разрушения института смеховой культуры, исчезновения смеховых игр и взаимовышучиваний (если они еще наблюдаются в диаспоре, то на территории исторической Черкесии почти исчезли) возможность объяснения смысла многих пословиц с собственными именами утратилась. Подавляющая их часть стала непонятной. Собственное имя в пословицах, выпавших из смехового поля, стало нарицательным, акцент в них переместился с имени в новый ситуативный контекст.

Так, поговорку «*ХьацIацIэ и Джыракъые кIуакI*» – («*Как Хацац в Джеракай ходил*») и ее турецкий вариант «*ГуIэтыжъ и Мэлак кIуакI*» – («*Как Гуатиж в Малак ходил*») используют по отношению к человеку, который делает что-то без цели; «*Хьуратыкъо шгэу фэдэ*

хъугъэ» («Как в истории с поросенком Хуратико») употребляется в тех случаях, когда человек разоряется дотла. «Бэгъ махъльгъ Бэгъ чэм зельэгъум, бгъм дэКЫжъыгъ» («Баговых зять, увидев корову Баговых, кинулся за гору [дабы не нарушить обычай избегания]») – так говорят о тех, кто излишне усердствует в соблюдении обычая [3]. «Мыгъэрэ острэ Даурмэ яосэ-тык1эрэ» («Снега в этом году – как калым Дауровых») – эта поговорка эквивалентна русской «Зимой снега не выпросишь». Она осталась в пассивной памяти адыгов. Как видим, подобные фразеологизмы, оторвавшись от первичного смехового контекста, начинают функционировать в качестве вторичных форм фольклора в совершенно ином значении.

Возвращаясь к смеховым играм, укажем, что фамильные мини-истории переплетаются со стихами, поговорками и пословицами, своеобразными речевыми жанрами, иногда смеховыми песнями, приуроченными к случаю (в особенности «песнями качелей»). Каждая из них – самостоятельная художественная структура, импровизация, составленная из готовых традиционных формул и клише, но приуроченная к определенной ситуации. Связанные между собой логикой смеха, они образуют единый словесный и поведенческий текст игры.

Важным условием остается соблюдение правил игры: не вышучивать отсутствующих, не оскорблять соперника, а в мнимых «претензиях» не выходить за пределы общеизвестного информационного поля, иными словами, игровой контекст должен быть прозрачным и легко прочитываться как участниками игры, так и зрителями.

Особый интерес представляет смеховая поэзия Даута Бырса. Даут Бырс (турецк.: Палат) родился в 1935 году. Он кабардинец из аула Анзорей-Пазарсу (район Узун-Яйла), живет в городе Кайсери.

Даут одновременно уникальный исполнитель народных песен и джегуако. О его особом даре сочинять стихотворные небылицы, в которых он сам играет главную роль, ходят легенды. Почти повсюду в Турции, где живут адыги, рассказывают комические истории Даута. Одни оторваны от его имени, в других – он главный герой. Еще до встречи с самим импровизатором нам удалось записать несколько историй. В одной из них описан случай в рейсовом автобусе.

«Однажды Даут отправился в дальний путь. Было лето. Жарко. Автобус шел по разбитым дорогам, да еще останавливался возле каждого проулка. По пути подобрали тощего хатахшукайского мухтара (председателя), который взял с собой овец с ягнятами. Водитель, недовольный этим, так погнал машину, что пассажиры не чаяли добраться живыми. Кто-то заметил Даута и взмолился: – Скажи им что-нибудь!

Даут не заставил себя ждать и здесь же сымпровизировал:

*Инэр ЖЭТ-у
Ик1эр чэту,
Мэлымрэ цынэмрэ зэхэту,
Хьат1охъуцъыкъуеижъым я мухътарыр
Зэхуакум дэту,
Дирекционым зимыгъазу,
Зеир абазу,
Зинэк1э кьалъхуам,
Зы щ1ып1э дыдыригъэдзэну!»**

*Нос [передняя часть автобуса] – ЖЭТ,
Хвост – загон для скота,
Посреди овец и ягнят
Хатахшукейя старого Мухтар [стоит],
как шест,*

*Руль неповоротлив,
[Автобус] принадлежит абазу,
Этот незаконнорожденный
В пропасть опрокинет нас!*

Экспромт имеет сразу несколько мишеней: старенький автобус, председатель, использующий общественный транспорт не по назначению и водитель из неуклюжих абазин.

Открытием для нас стала не только художественная одаренность Даута, но и его способность сохранять некогда заданную джегуаковскую интонацию при каждом повторном исполнении своих стихов с целью внушить аудитории, что он ничего не придумал, а лишь облек в поэтическую форму жалобы тех, от чьего имени сочинены истории. Свидетельство тому — ситуация записи лучших сочинений Даута Бырса в собственном исполнении.

Сначала обратим внимание на специфику поведенческого текста Даута Бырса, являющегося составной частью джегуаковского искусства. Так, при встрече с нами он не сразу вошел

в смеховое поле. Мы и не пытались провоцировать его. Предупрежденные нашими спутниками, хорошо знающими его характер, мы избрали тактику пассивных слушателей.

Даут, растроганный тем обстоятельством, что впервые видит у себя соплеменников с далекой родины, живо откликнулся на наши расспросы, рассказал много интересных преданий, пел героические песни и песни-сетования о горькой судьбе изгнанных на чужбину адыгов.

Следуя заранее разработанному сценарию «вызволения» из его памяти смеховых историй, один из тех, кто сопровождал нас, словно невзначай сказал:

– Даут и сам сочиняет «Истории»...

Наш собеседник переменялся в лице. Растерялся и с упреком произнес:

– Разве мои невзрачные шутки достойны слуха столь высоких гостей?!..

Участники экспедиции подключились к разговору и принялись убеждать Даута в чрезвычайной весомости каждого его слова.

– Спрашивайте о чем угодно, но только не об этих безобразиях, – сказал он и замолчал. Так джегуако квалифицировал свои сатирические стихи.

Причину такой отстраненности Даута от своей роли джегуако – импровизатора и шута – следует искать не столько в его личных качествах, сколько в объективных обстоятельствах, о чем речь ниже.

Смех Даута всегда и везде был востребован. Более того, он сам искал приключений, сочинял о них истории и впоследствии сотни раз сам же и рассказывал их публике. Это были своеобразные моноспектакли. Зрителям и слушателям запоминались не столько сами «Истории», сколько роли, которые в них играл знаменитый Даут Бырс. В вилайете Кайсери (а это десятки адыгских населенных пунктов, разделенных сотнями километров) без него не обходилось ни одно веселье, ни одна свадьба или чаепитие.

Однако после того, как он в 70-х годах XX столетия совершил хадж в Мекку, его специальность смехового импровизатора перешла в ранг «не дозволенной» Богом. Подчиняясь общественному мнению, Даут отстранился от всего, что могло бы послужить для него поводом вновь войти в роль джегуако. Лишь исключительный случай вроде нашего посещения

мог вернуть его в смеховое поле.

Наши провожатые попеременно стали рассказывать «Истории» Даута. Он напряженно слушал и заметно волновался. Улыбка, выражавшая готовность поддаться соблазну, внезапно исчезала и он начинал нервно перебирать четки. А люди все продолжали рассказывать. Даут из-под прищуренных глаз наблюдал и за нашей реакцией. Ему, видимо, нравилось то, как мы бурно воспринимаем его «Истории». В знак согласия иногда кивал головой. Казалось, внутреннее сопротивление вот-вот будет сломлено и Даут включится в предложенную нами игру – но тут очередная история чуть не разрушила с таким трудом наладившийся контакт.

Суть той злосчастной «Истории» такова. Однажды Даут оказался в далеком абазинском селении, где о его проделках никто не знал. Все мужское население (около сотни) собралось в мечети на полуденный намаз.

Мулла опаздывал, и люди решили попросить кого-нибудь из присутствующих, имеющих соответствующий статус, провести обеденный намаз. Выбор пал на Даута, так как кабардинцы в глазах абазин – врожденные эффенди.

Даут согласился, хотя в то время не знал ни одной сурь из Корана. На него надели одеяние, поставили на специально отведенное место, и он начал намаз. В последовательности движений и подобающей мулле интонации он не мог ошибиться, так как это было знакомо еще с детства. А молитву он стал заменять своими «Историями», перемежая их рецептами излюбленных адыгских блюд. В текст он вставлял время от времени риторические вопросы, типа: «О, Аллах, если ты есть, почему допускаешь мое присутствие здесь?»

Завороженные его интонацией, люди не обращали внимания на слова. Всем казалось, что он читает молитву на арабском, не знакомом абазинам так же, как и адыгский язык.

При каждом удобном случае Даут всматривался в лица совершающих за ним намаз со страхом, ожидая, что среди них окажется хоть один соплеменник и его разоблачат. Опасения оказались напрасны. Абазины поблагодарили его за службу.

Разоблачение произошло гораздо позже, когда Даут стал сам рассказывать об этом случае очередную «Историю». Много лет спустя

слухи дошли до того далекого абазинского аула. Оскорбленные святотатством Даута, абазинцы прислали к нему послов. И он вынужден был дать слово никогда впредь не рассказывать эту «Историю». С тех пор он ни разу не нарушил этого обета.

Однако «Историю в мечети» рассказывали другие с подробностями и домыслами. Одну из версий мы зафиксировали, но без «молитвы» Даута в стихах. Воспроизвести поэтическую часть «Истории» никто уже не может, кроме автора. А нашего импровизатора ничто не могло заставить рассказать первоначальную версию, даже наши проникновенные уговоры.

– Нет, нет, – протестовал он, – мой статус хаджи не позволяет мне не то что рассказывать, но даже и слушать подобное. Тогда я был молод и был безбожником, да простит меня Аллах!

Нам стоило немалого труда вернуть Даута в прежнее расположение духа. Мы записали еще много фольклорных, этнографических материалов, прежде чем вернулись к «Историям».

Улучив момент, один из наших спутников снова спросил:

– Даут, а что с твоей косою приключилось? Она все жалуется на тебя?

Наш собеседник широко улыбнулся, принял вызов и начал рассказывать:

– Ничего я в жизни не умел делать, только языком болтать да смешить людей. А смех, как известно, не кормит. Нужда заставила, и я, одолжив хорошую косу (своей не оказалось), отправился на сенокос.

Покрутил, повертел косою, да устал. Коли руки не привычны к труду, устать не долго. Присел отдохнуть. Воткнул косу возле себя, лезвием вверх. Расположился пообедать, благо жена прислала отменную еду, с густым кислым молоком впридачу. Бедняжка, видно, решила, что я тружусь в поте лица.

Вдруг слышу откуда-то сверху чей-то голос.

(Даут начинает входить в роль: округляет глаза, нарочито вертит головой в поисках источника голоса, пожимает плечами и в недоумении продолжает).

– Оказывается – это моя коса стоит надо мной да качает головой. Заметила-таки, пропади она пропадом, что не умею ею орудовать!

– Знать бы, что не прогневаешься, сказала

бы несколько слов, — говорит коса.

– Скажи, – говорю, – сделай милость. – А у самого внутри все похолодело. Ей-ей!

И вот коса моя начала мне выговаривать. Да так складно!

*– Сыктызыздэтитэм уафэр гьогьуат,
Мы ягьылы ихын мыгьуэм Iейуэ сигу
кIэгьуат.*

*(Тобэ, сэри содэхьэихьыж!)...
СызыбгьэжIэрахьуэжIэ Iейуэ тууэкьузэри
Сабэ кьоугьэхьей.*

*Мы сьдэж – уадэм сыктыцыхьеймэ,
Уэлэхьы зиблахь, сихьхафэцыр мэхьей.*

(СхуэуIурIым, идзэхэр сокьутэ)

Унэм и нахьыжьыр нанэ, – жиIас,

Сьд сэбгьэцI мыгьуэми,

Уаргьэнэ цIэнэц.

(Ильабжьэм кьыцIэзонэ),

Шэмэджьыр зэрауIур уадэц,

Сэ сьд мыгьуу сытсы хэIуадэц – жиIас.

Деслэ баш мыгьууэ Азлы сыктырашат,

Цыху кьысIупльэж мыхьуу сьдзэ

зэблэтиат, – жиIас,

СызыцIа Iустэм янэр Элиф, – жиIас,

Сэ сьдейми, пызыбгьэуцIыр мыльф,

ПыуцIыгьуафIу зы удзыжь гуэр цыIэмэ,

Ар пызыгьэуцI!

Сицэмэдж хьэлыр уэддыгьей, – жиIас,

Шэмэджэу цыIьмэ сэ сырагьей, – жиIас,

Сицэмэдж дакьэр дэчас,

Мис мыхэр сьгум дэбгьагьуи,

Сызэгочаси, кьэмкьутэмэ кьаплэ!*

[Как] только ты взял меня в руки, гром прогремел,

Кому предназначено это сено –

не завидую...

(Прости, Аллах, что я [теперь] смеюсь).

[Как] закружишь меня, да так сильно

нажимаешь –

Пыль [столбом] поднимаешь.

Стоит тебе положить меня

на наковальню,

Клянусь Всевышним, волосы дыбом

[поднимаются].

(Не умея отбивать, зубья косы искривил).

Старшая в доме – нана [мать], (сказала),

Что бы ты, о горе, ни заставлял

меня делать,

Ты оставляешь валок недокошенным,

*(Траву не до конца скашиваю).
Косу отбивают молотком,
Меня, о горе, пустили на ветер
[зря пропадаю], (сказала).
[Как] величавый посох, о горе,
я из Азлы доставлена,
[Теперь] ничьи глаза не могут смотреть
на меня,
[Так] ты мои зубья искривил (сказала),
Мать мастера, изготовившего меня,
звали Элиф,
Если я и плохая, но заставляешь косить
ледяной покров,
Легко косимая, если есть трава какая,
Дай скосить!
Мой клин [сделан] из пихты, (сказала),
Все косы, что есть [на свете] пусть
оплакивают [меня], (сказала),
Моя рукоять отвалилась, (сломалась),
Вот все это [обиды] сердце
[мое] иссушило,
[Поэтому] я треснула,
Сломаюсь – вот увидишь!*

Как видим, в «Жалобе косы» Даут играет две роли: автора и косаря. Автор усложняет диалог косы и косаря комментариями (см. текст в скобках). Лишь завершая «Историю» словами в адрес косы:

Алыхъым укIуэцIырымьгэхукIэ!

(Чтоб сквозь землю не провалиться бы тебе!).

Даут разрушает игровую оболочку – сначала сбрасывает с себя маску «пристыженного косаря», затем отстраняется от текста «Жалобы», превращаясь из автора в исполнителя, который не несет ответственности за «грехи» автора. Так Даут пытался «примирить» свой статус хаджи с ролью исполнителя.

Через некоторое время один из нас снова попытался вызволить из памяти нашего информатора очередную «Историю».

– А хорошо, Даут, Вы тогда наказали того наглеца, – сказал он, имея в виду историю создания «Жалобы рыбы».

Даут не стал сопротивляться.

– Было это давно, – начал он, постепенно переходя от роли исполнителя к роли автора. – Как-то раз отправился я к Хацуковым с дружеским визитом. Спешился и, в ожидании традиционного приглашения старшего в доме, оста-

новился посреди двора. Хацуков показался из-за угла, но вместо приветствия сказал:

– Чего тебе? – да так грубо!

(Внезапное появление известного в округе ориодза ничего хорошего не предвещало и стало хозяина дома врасплох. Это и вызвало антиэтикетное поведение Хацукова. Даут продолжает – У.Р.):

– Такая бестактность хозяина привела меня в негодование! *(Даут смотрит мне в глаза, пытаюсь убедить, что он тогда и вправду был сильно огорчен таким приемом – У.Р.).*

– Решил я тогда: не уйду с этого двора, пока не скажу им чего-нибудь! Стал искать «зацепку». Увидел подвешенную на столбе сушеную рыбу. Вспомнил, что мой сосед – охотник, давно принес кузнецу Хацукову свой старый револьвер на починку, а тот все не чинит. Рыба и была, видно, платой за работу.

Что же это получается – работы не видно, а рыба уже высушилась? Мигом выстроилась картина...

(Здесь Даут неожиданно прерывает свой рассказ, опускает голову, то ли пытаюсь спрятать улыбку — ведь все присутствующие, кроме нас, прекрасно знают эту историю и не раз слышали ее из уст автора! — то ли из желания как можно внушительнее удержаться в роли джегуако-сочинителя. Меняет интонацию и продолжает – У.Р.):

– И тут, знаешь ли, Аллах свидетель, я заметил, как рыба помахала мне хвостом, вот так *(делает имитирующее движение – У.Р.)*. «Бедная рыба, что случилось с ней, почему позвала меня?» – подумал я. Взял за уздцы коня и приблизился к ней. Возле столба, на котором висела рыба, стояла старая скамья, и я присел.

– Чего тебе понадобилось? – спрашиваю.

– Ты из Пазарсу? *(село)*.

– Из Пазарсу.

– Меня тоже взяли из Пазарсу, – говорит она.

– И что же? – говорю я, удивляясь тому, как она узнала, что я из Пазарсу.

– Я расскажу тебе свои жалобы, чтобы ты передал их нашим аульчанам, – сказала рыба.

– Рассказывай, да побыстрей, я спешу, – отвечаю я.

(Знаешь, уж очень огорчило бедную рыбу то, что ни гроша за нее не выручили, – комментирует Даут).

– Пхэгацэм инахь цIыкIу мыгъуэр
Ичылыт.
СикIуэдыжъынIэ хъуа мыгъуэр
Дичылыт, – жиIас...
СицIэр Алэ-балыкъ,
Сызэрыхъан ныбэ мыгъуэр
Коду къалэбалыкъ.

Из плуга самая малая деталь, о горе,
Винт.
Местом гибели моей, о горе,
Стал мой аул.
Зовут меня – Але-балык (рыба из знатного
рода),
В желудке, куда попаду,
Уж больно шумно. (Негоже таким обра-
зом уходить из жизни).

Как видно в оригинале, параллелизмы Даут
выстраивает по традиционной модели: незави-
симые и взаимоисключающие по смыслу фра-
зы связывает концевой рифмой, что создает до-
полнительную смеховую ситуацию.

В текст «Истории» вплетаются коммен-
тарии Даута, сделанные при повторном испол-
нении. Они разделяют функции автора и ис-
полнителя.

– Синэр нэцIыкIут,
Сызыихъынур ХъацIыкIут, – жиIас...
Мудэрей цIалэм ицIэр Паие,
Мыбы нэсэ сыкъэзыхъа, зинэкIа къалъхуам,
Ихъакъыр баис –
(Тобэ, ярэби).
СикIэ мажъэр зэIуха, мыгъот,
Хъури лъэкъ къыслъамамыту салахас,
Мыр Iейуэ сижэагъуэ мэхъу, – жиIас.
– НтIэ, хэт укъэзыхъар? Ди къуажэ? –
жысIэри,

– Амарэ уэстын, и цIэр сицIэIым:
Сызыхэса псы мыгъуэр удат,
Сыкъэзыубыдам инэгу сэмэгур къуудат.
– Алахь-алахь, мыр хэт ди къуажыу?..
– Хадэм сацIэр дьргут, – жиIа,
Сыкъэзыубыдар ижъым дей тыркут,

Глаза мои маленькие,
Съест меня Хацук (собака маленькая), –
говорит.
Юношу из Мударея зовут Паица,
Сюда меня принесший незаконнорожден-
ный,
Заслуживает дубины.

(Боже, прости!)
Хвост мой веером раскрыт, о горе,
Ни гроша не заплатив [даром], забрали
меня.

Это сильно меня огорчило, – сказала.
– Кто же тебя принес? Наш аульчанин? –
спрашиваю.

– Приметы скажу, имени не знаю:
Вода, в которой я плавала, о горе, была
мутной,

У поймавшего меня левая щека в шрамах.
– Аллах-Аллах! Кто это может быть?
– В огороде растет дьргут (растение).
Выловивший меня прежде был турком...

По этим приметам герой узнает «злодея»,
отдавшего даром рыбу. Им оказался некий Ра-
шид – турок, ассимилировавшийся среди ады-
гов.

В конце «Истории» рыба просит передать
ее жалобы аульчанам. Герой (в его лице Даут)
так и сделал, и аульчан эта весть огорчила.
«Жалобу рыбы» завершает комментарий героя:

– А бдзэжъейм сыкъымыцIыхуатэмэ
Нахь къэсцитэнут!
КIуэцIырыхуным, дэнэ сыкъыщыцIыхуа?
УпIауэ! Мыра сэ згъэцIагъуэр!
УпIауэ, ягъэгъуауэ, даурэ сыкъыщыцIыхуа?!

Если б та рыба не узнала меня! –
– Я более всего этого хотел бы.
Провалиться бы ей, откуда она [меня] уз-
нала?

[Будучи] разделанной (выпотрошенной)?!
Это меня более всего удивляет:
Выпотрошенная, высушенная – как узнала
[меня]?!

Этот вопрос Даут адресовал нам, не сомне-
ваясь, что мы адекватно воспримем данную си-
туацию. А через минуту он вышел из роли,
мягко улыбнулся, откинулся на спинку стула и
вновь принялся перебирать четки.

Уникальный джегуаковский талант Даута
проявляется не только в том, как и что он рас-
сказывает (свои «Истории», как и тексты тра-
диционного фольклора, он выстраивает наи-
лучшим образом), но и в его умении лицедей-
ствовать на высочайшем уровне и не выпасть
из роли при повторном исполнении.

Обобщая наши наблюдения, следует ска-
зать, что формы и способы актуализации сме-
ховой культуры адыгов и на исторической тер-

ритории, и в диаспоре в основе своей однотипны. Но, как свидетельствуют материалы экспедиций, многое из того, что почти исчезло у российских адыгов или трансформировалось в иные формы смеха, в диаспоре функционирует и поныне, причем в традиционной форме.

При ярко выраженной развлекательности, смех ориодзов-импровизаторов, в особенности, Даута Бырса, общественно направлен, «амбивалентен» (М.М. Бахтин) и продолжает традиции «ритуального смеха» (В.Я. Пропп).

И ориодзы, и Даут Бырса – олицетворение джегуако, который «играет всегда и везде», для которого игра – «определенная психология, характер, позиция в жизни, форма поведения» [2].

Десятки текстов смеховых прений, мини-спектаклей, сотни фамильных историй, паремий с собственными именами, а также бырсовские «Жалоба рыбы», «Жалоба косы», «Жалоба гостя» являются шедеврами, типологически близкими к творениям знаменитых адыгских джегуако Куйнеша Джанчатова, Лящи Агнокова и Сагида Мижаева.

Примечания:

1. Фольклорно-этнографические экспедиции рабо-

тали в адыгских аулах, административно привязанных к городам Турции: Токаг, Кайсери (1997), Дюздже, Балыкесир, Бурса, Бандырма, Бига (1998), Чанаккале, Бига и Маньяс (1999), Самсун, Чорум, Мерзифон, Везиркопру (2002), Анталия, Елема (2005). Экспедиции финансировались Благотворительным фондом, созданным адыгами, проживающими в Германии (руководители фонда – Ихсан Уджуху, Умар Темзок, Батрай Едиджи); в Турции (председатель Всетуецкого адыгского хасэ – Муххадин Юнал); Адыгейским госуниверситетом (ректор – Р. Д. Хунагов).

2. Налоев З.М. Социальное и профессиональное расслоение института джегуако. Джегуако в роли хьэтыяк1уэ. Игровой аспект искусства джегуако. Из истории устного стихотворения. Смех Шугиба Выкова // Эпюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985. С. 6-72, 132-158.

3. Унарокова Р.Б. Фольклор и обычай наречения у адыгов // Проблемы региональной ономастики: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Майкоп, 1998. С. 130-132.

* Звездочкой обозначены материалы турецких фольклорно-этнографических экспедиций, хранящиеся в архиве Центра адыговедения Адыгейского государственного университета (ЦА /АГУ), также опубликованные в сборнике текстов «Тыркуем ис адыгэхэр. 1оры1уатэр» [Фольклор адыгов Турции]. / Сост. Р.Б. Унарокова. – Майкоп, 2004.